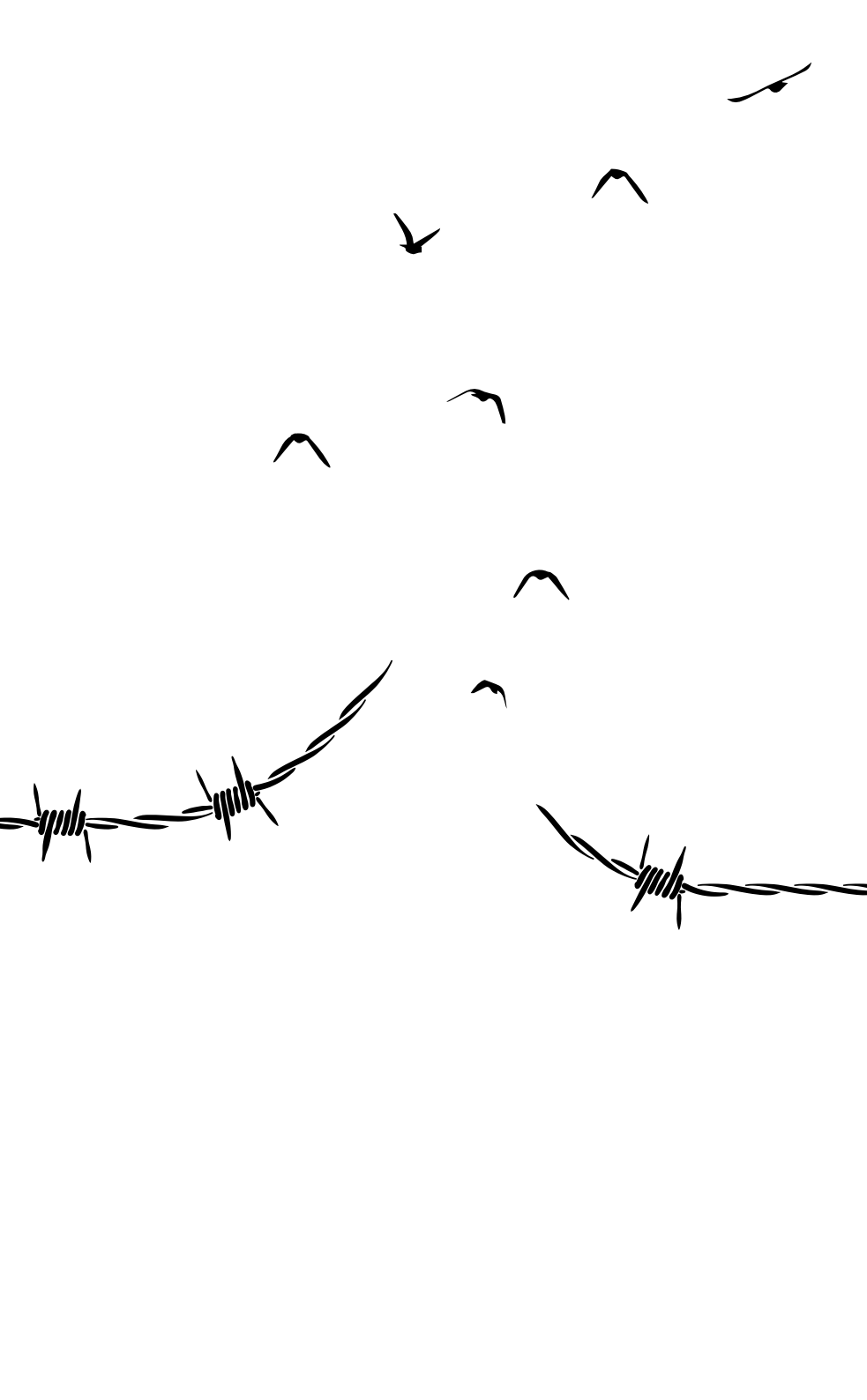

Книги цикла
«Акушерка Аушвица»:

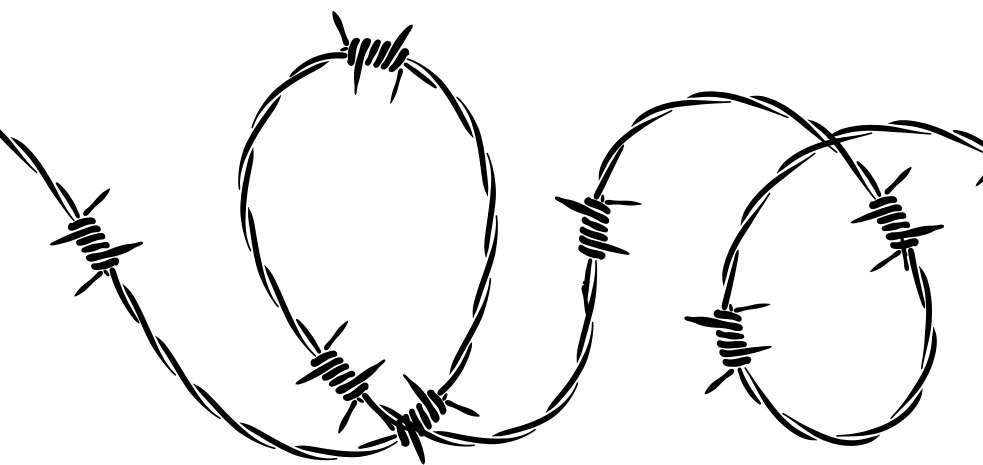
Акушерка Аушвица

Последнее дитя Аушвица

Акушерка из Берлина

Анна Стюарт

ПОСЛЕДНЕЕ ДИТЯ АУШВИЦА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
С88

Anna Stuart
THE LAST BABY OF AUSCHWITZ
Copyright © 2026 Anna Stuart

Стюарт, Анна.

С88 Последнее дитя Аушвица / Анна Стюарт ; [перевод с английского И. Д. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-242124-2

Аушвиц, 1945 год. Три года Наоми Деметриу пытается выжить за колючей проволокой лагеря смерти. Разлученная с семьей, она научилась обменивать найденные среди вещей узников мелочи на еду и надеяться лишь на следующий день. Когда внимание офицера СС оборачивается для Наоми настоящим кошмаром, она узнает, что ждет ребенка.

В бараке для матерей ей помогает Ана — та самая акушерка Аушвица, которая уже спасла не одну жизнь вопреки лагерным порядкам. Благодаря поддержке Аны и других женщин Наоми удастся совершить невозможное: родить сына и скрывать его от охранников, готовых в любой момент отнять ребенка.

Когда лагерь начинают эвакуировать, Наоми вместе с тысячами заключенных отправляют в смертельный марш через заснеженную Польшу. В суматохе она теряет малыша. Но в лагере остается Ана. И пока одна мать отчаянно борется за жизнь, другая делает все, чтобы спасти оставленного ребенка. Основанный на реальных событиях роман «Последнее дитя Аушвица» — о женщинах, которые даже в самом страшном месте на земле находили силы хранить надежду и выбирать жизнь.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242124-2

*Эта книга была написана в память
всех греческих евреев,
так страшно пострадавших
от рук нацистов*

Пролог

Октябрь 1944 года

Наоми мерит шагами узкие проходы Блока 24, оставаясь, когда усиливается боль, чтобы опереться о нары и продышаться. Ей бы хотелось, чтобы страх можно было выдышать из себя, как боль. Она повидала столько женщин, прошедших через это, в ее последний год в Аушвице-Биркенау. И вот теперь ее очередь. Теперь она тоже производит на свет жизнь в лагере смерти.

Боль отступает, и она снова начинает ходить взад-вперед по утопанному земляному полу под напряженными взглядами женщин, ожидающих своей очереди. Сколько бы нацисты ни старались, жизнь продолжится. Сколь бы низко они ни ценили женщин, которых держат в плену, ценность, которую сами эти женщины придают друг другу, помогает им выживать. Наоми знает, что рядом, наготове, заботливые руки, стремящиеся даровать ей утешение, поддержку и силу. «Ты сможешь, Наоми».

Она сможет, и ей это известно. Ей по силам дать этому ребенку жизнь. Удастся ли ей ее сохранить — другой вопрос, и он пугает гораздо сильнее боли. Наоми обводит взглядом мрачное помещение с голыми нарами в три этажа, на которых лежат беремен-

ные женщины, и грязными окнами, сквозь которые видны заборы под током и угрожающие сторожевые вышки.

Это не место для младенца.

Но ему суждено родиться здесь. И очень скоро.

Схватка скручивает тело Наоми, и она сгибается пополам, стараясь не закричать. Все происходит так быстро! Ее ребенку не терпится увидеть мир. Он настоящий грек.

Боль накатывает волнами, и теперь это не родовая схватка, а удар ножом в сердце от мысли, как все должно было произойти на самом деле. Она должна бы лежать в постели в Салониках, мать — сидеть рядом с ней, а ее возлюбленный Крестос нервно расхаживать по спальне. Ласковое осеннее солнышко блистало бы на поверхности Эгейского моря, а она рассасывала бы кусочки домашней баклавы, которые придали бы ей силы и помогли малышу вступить в мир заботы и любви. Этого нового Деметриу встретила бы шумная и добродушная семья, а не страх и ужас Аушвица-Биркенау.

Однако нет смысла думать, как все должно было бы быть. Воспоминания о прошлом лишь усиливают скорбь, а мысли о будущем — страх. Надо сосредоточиться на настоящем. Наоми кладет ладонь на пульсирующий живот и думает о рождающемся младенце.

Женщина вбегает в барак со скоростью, какую редко увидишь в этой юдоли мучений и голода.

— Новости! — кричит она. — У меня новости. Грецию освободили!

Наоми вскидывает на нее глаза. Боль по-прежнему разрывает ее тело на части, но это не имеет значения.

— Освободили? — повторяет она. — Грецию?

Известие слишком хорошее, чтобы в него поверить, но женщина быстро кивает:

— Да! Сегодня сообщили по секретному радио.

— Освободили... — повторяет она опять.

Слова звучат для нее как древний заговор, шепот надежды. Ее страна свободна. Нацисты ушли из Салоник, их изгнали, одержали над ними верх. Как прекрасно!

Снаружи лает собака, кто-то вскрикивает, гремит выстрел. Наоми испускает стон. Какое значение имеет освобождение ее страны, когда сама она взаперти, за колючей проволокой ненависти? Свобода от нее в полутора тысячах километров, и ей их никак не преодолеть. А прямо сейчас, Господи помоги, она рожает ребенка.

— Тужься! — командует акушерка.

Наоми не хочет выпускать свое драгоценное дитя в грязь и ужас Аушвица, но у нее нет другого выбора, кроме как подчиниться. Она может лишь возносить молитвы да надеяться на те крошечные искорки доброты, за которые они все так отчаянно цепляются. Верить, что очень скоро свобода доберется и до их жуткого лагеря. Пока ее окружает любовь других узниц, Наоми сумеет продержаться и спасти своего малыша.

Часть первая

Салоники, Северная Греция

Глава 1

Март 1942 года

НАОМИ

Наоми Деметриу скорчилась в тени, с быстро коло-
тящимся сердцем глядя на дыру в заборе синагоги. Нацисты столько всего отняли у греческих евреев, но сегодня ей выдался шанс кое-что вернуть себе. Надо только набраться храбрости.

Она смотрела на ящик овощей, стоящий возле стены, буквально пожирая их глазами. Красные перцы и помидоры казались невероятно яркими среди холодной серости самой суровой зимы, что видели Салоники за долгие годы. Она почти ощущала их свежий аромат, почти чувствовала вкус в пересохшем рту. От голода в желудке заныло. Подумать только, какой суп они могли бы сварить с этим роскошеством! Скольких людей смогли бы накормить!

А нацисты бросят все свиньям.

— Не в этот раз, — решительно прошептала она.

Эсэсовцы отобрали их прекрасную синагогу, чтобы разместить в ней конюшню и, наивысшее оскорбление, свинарник. Двое охранников караулили входные двери; еще один обходил здание по кругу. Священный храм был таких размеров, что на каждый круг требовалось не меньше пяти минут — предостаточно времени. Все, что Наоми следовало сделать, —

дождаться, пока горизонт будет чист, пролезть через дыру в заборе, пересечь двор и схватить ящик. Проще простого.

Но если они ее поймают, то, скорее всего, застрелят. И это еще если повезет. Если нет, они забьют ее до смерти, или натравят на нее собак, или отвезут в тюрьму гестапо и будут пытать, пока она не признается в предательстве, или шпионстве, или в чем угодно еще, что придет им в голову, лишь бы прекратились мучения. Наоми поежилась и оглянулась на своего спутника, прятавшегося под козырьком двери.

— Тебе не обязательно это делать, — шепнул Петрос.

Она указала на овощи:

— Но без них мы будем голодать.

Наоми не преувеличивала. Нацисты захватили Грецию в прошлом апреле и присвоили весь урожай, чтобы прокормить свои войска. Грекам выдавали карточки, обеспечивавшие скудный паек, и они едва выживали. Каждое утро на улицах находили мертвые тела, и родные покойных зачастую сами были слишком слабы, чтобы погрузить их на тележку, в то время как нацисты скамливали чудесные спелые овощи своим чертовым свиньям.

— Ты погляди на них! — Наоми дернула Петроса за рукав. — А теперь на нее.

Она указала на женщину, пришедшую к синагоге умирать. Ее пустые глаза смотрели в серое небо. От чего умерла эта бедняжка: от голода или от безнадежности? В Салониках в эту зиму трудно было сказать.

— Так будет и с нами, — слабо произнесла Наоми.

— Давай я заберу ящик, — предложил Петрос.

— Ты не пролезешь.

Дыра в заборе была слишком тесной для его широких плеч; лезть предстояло Наоми. Она сделала шаг

вперед и сразу отступила, заслышав стук сапог по мраморным плитам. Ее сердце опять тревожно забилося, и Наоми обрадовалась, что крепкая рука Петроса подхватила ее.

— Я должна пойти, — прошептала она. — Ради Кристоса.

Она услышала, как Петрос тяжело вздохнул, а его подбородок коснулся ее макушки, когда он неохотно кивнул. Кристос был младшим братом Петроса и парнем Наоми. В прошлом году в бою он получил тяжелое ранение, и ему требовалась пища, чтобы набираться сил, — пища в этом самом манящем ящике.

Сапоги остановились, и Наоми, выглянув из укрытия, увидела эсэсовца, стоящего над мертвой женщиной. Он презрительно фыркнул и пнул ее ногой, отчего из рук женщины выпал сверток. Нацист двинулся дальше, но тут взревел мотор, и эсэсовский автомобиль подкатил к главным воротам. Охранник поспешил туда — посмотреть, что за важное начальство к ним пожаловало.

— Сейчас? — спросила Наоми.

Петрос сглотнул.

— Ты уверена? Если...

Но она уже сорвалась с места — чтобы не успеть передумать. Задержав дыхание, Наоми протиснулась в дыру и встала, ничем не защищенная, посреди некогда прекрасного двора величественной синагоги.

— Не покинь меня, Господи, — пробормотала она и бросилась вперед по мраморным плитам.

За эту голодную зиму она сильно исхудала и стала такой легонькой, что ступала совсем неслышно в своих мягких туфлях. Она потянулась к ящику и схватила его. В ноздри хлынули сладкие ароматы перцев и томатов,